

Дмитрий Егорович СЛИЗОВСКИЙ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва
e-mail: de373@mail.ru

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ В XVI-XVII ВВ. (по воспоминаниям иностранцев)

АННОТАЦИЯ

Воспоминания иностранцев являются ценным источником по изучению повседневности, быта и нравов населения определенной страны, а также конкретных образующих его социальных групп. Мемуарная литература и письма европейских авторов XVI-XVII вв., пребывавших в Россию в составе дипломатических миссий, либо путешественников, позволяют реконструировать русские традиции исследуемого периода. Но далеко не полно, а фрагментарно. Автор на источниковом материале исследует традиции русского народа XVI-XVII вв. Выявляет их положительные и негативные стороны, а также вскрывает причины тенденциозности иностранных авторов в описаниях образа жизни жителей московского государства.

Ключевые слова: русские традиции, воспоминания, мемуары, письма, иностранцы, европейцы, гостеприимство, национальные праздники, земледельческие обряды.

Dmitry Egorovich SLIZOVSKY – Doctor of historical sciences, professor, Department of History of Russia, Russian University friendship of peoples
Moscow, Russia. e-mail: de373@mail.ru

RUSSIAN TRADITIONS IN THE XVI-XVII CENTURIES. (according to the memoirs of foreigners)

ANNOTATION

Memoirs of foreigners are a valuable source for the study of everyday life, life and customs of the population of a particular country, as well as specific social groups that form it. The memoirs and letters of European authors of the 16th-17th centuries who were in Russia as part of diplomatic missions or travelers make it possible to reconstruct the Russian traditions of the period under study. But far from complete, but fragmentary. The author explores the traditions of the Russian people of the 16th-17th centuries on the basis of source material. It reveals their positive and negative aspects, and also reveals the reasons for the tendentiousness of foreign authors in describing the lifestyle of residents of the Moscow state.

Keywords: russian traditions, memoirs, memoirs, letters, foreigners, Europeans, hospitality, alcohol, national holidays, agricultural rituals.

Значимость изучения воспоминаний иностранцев определяется их многоплановостью как исторического источника, разнообразием содержащихся в них сведений. Воспоминания, которые были составлены европейцами, посещавшими Россию в исследуемый период, представляют особую ценность, так как их авторы описывали преимущественно наиболее яркие стороны повседневного уклада и быта русского человека, чаще всего – отличные от тех, что были свойственны европейцам.

Необходимо отметить, что Россия в период с XVI в. по XVII в. являлась достаточно развитым государством в политическом отношении и существенно расширившимся в своих географических границах. Однако формирование русской культуры еще не было завершено: процесс конструирования

уникальных и самобытных обычаев и традиций, отличных от стран Запада и Востока, продолжался. Это касалось как материальной, так и духовной культуры, быта и повседневного уклада русских людей. Их специфика нашла отражение в воспоминаниях иностранных авторов.

Свидетельства европейцев о жизни далекого московского государства касались самых разнообразных сторон социальной действительности. Именно поэтому наиболее полную картину представлений иностранцев позволяет сформировать сопоставление их сведений о Москве, в особенности, тех европейских авторов, которые посещали ее в составе дипломатических миссий, а также путешественников. Подобное сопоставление позволяет выявить объективные сведения, отделив вымысел

о московском государстве от реальных социальных практик.

При этом анализ сведений должен учитывать, что иностранцы, как правило, не владели в совершенстве русским языком. В этой связи, свидетельства иностранных авторов нередко являются тенденциозными, составленными по аналогии с той информацией, которая была представлена в трудах европейцев, посещавших московское государство в более раннее время. В результате, нередко в сочинениях иностранцев начинали формироваться мифы о московском государстве, успешно внедряемые впоследствии в сознание просвещенного населения европейских стран. Это также необходимо учитывать в рамках анализа традиций жителей России XVI-XVII в. Истоки и последствия формирования подобного рода мифов о России представляют собой интересный аспект в рамках исследования трудов иностранцев как исторического источника.

Необходимо отметить, что исследовательский интерес к изучению сочинений иностранцев о России имеет длительную историю формирования и развития. Впервые он возник еще у дореволюционных исследователей, в частности, В.О. Ключевского [3], Н.И. Костомарова [5] и др. Работы указанных ученых внесли значительный вклад в изучение взглядов иностранцев — дипломатов и путешественников на быт московского государства, как простого народа, так и привилегированных сословий.

В советское время интерес к исследуемой проблематике в значительной степени сократился, возникнув с новой силой на современном этапе в трудах Л.В. Щербаковой [11], А.М. Фумм [9], Т.В. Лабутиной [6]. В данных работах внимание исследователей уделялось особенностям повседневной жизни населения московского государства, бытовому укладу различных сословий России, их психологии и нравов.

Если говорить об источниковой базе, т.е. собственно сочинениях иностранных авторов, стоит отметить, что это, прежде всего, источники личного происхождения — воспоминания участников дипломатических посольств в московское государство, путешественников, прибывавших в Россию в разные годы XVI-XVII столетий, переписка.

Среди воспоминаний иностранцев, с точки зрения освещения традиций русского народа особенно стоит отметить сочинения С. Коллинса, А. Олехария, Дж. Флетчера, Р. Ченслера, А. Дженкинсона. На страницах своих произведений они описывали самые различные проявления повседневной жизни и быта населения московского государства. Сопоставление текстов между собой позволяет также выявить определенные стереотипные представления иностранцев о жителях загадочной московской земли, которые были сформированы в сознании иностранцев относительно населения России наиболее прочно.

Ценным источником также являются письма на родину, которые отправляли иностранцы преимущественно в целях информирования правительства

того или иного европейского государства о событиях в Москве.

Однако, следует признать, что именно мемуарная литература в рамках раскрытия данной темы является наиболее информативным и ценным источником представлений иностранцев о России. В то же время, при анализе мемуарной литературы следует учитывать тот факт, что она представляет собой письменно зафиксированный ретроспективный взгляд автора, иными словами — с позиции прожитых лет. В ряде случаев, с течением времени особенности человеческой памяти могли привести к искажению описаний, отдалению повествователя от истины. В то же время, стоит отметить, что большинство иностранцев составляли свои записи в период пребывания в России, что, по сути, исключало возможность искажения содержащихся в них сведений.

Прежде чем перейти к анализу традиций русского народа в представлениях иностранцев, необходимо определиться с содержанием самого понятия «традиция».

В наиболее общем виде под традицией в исследовательской литературе понимается система норм и правил, сложившаяся в результате регулярных социальных практик и не имеющая конкретного автора (т.е. — анонимная), которыми руководствуется определенная группа людей с своей повседневной жизни. При этом нельзя не согласиться с мнением американского антрополога А.Л. Кребера, согласно которому традиция представляет собой трансляцию культурных особенностей во времени» [12, с. 411]. Это является весьма значимой особенностью традиции, без которой невозможно было бы как ее формирование, так и регулярное проявление в социальных практиках на протяжении определенного времени.

Следует также учитывать, что в сочинениях иностранцев, большинство из которых, как уже отмечалось, являлись либо участниками дипломатических миссий, т.е. лицами, по долгу службы пребывавшими в русское государство, либо путешественниками, как правило, отражались традиции, свойственные повседневности высших слоев населения России, иными словами, представителям дворянской аристократии. Ведь, пребывая ко двору, посланники европейских стран наблюдали, прежде всего, жизнь царского двора, торжественные приемы и застолья, не сталкиваясь обычно с проявлениями культуры простолюдинов. В этой связи, последняя не является предметом настоящего исследования и в сравнительно меньшей степени представлена в сочинениях иностранцев, нежели культура высшего московского общества. В то же время, некоторые традиции русского народа, например, застольные, имели сходные черты у аристократии и простолюдинов, в частности, избыточное употребление спиртных напитков, что, по свидетельству иностранцев, в целом было свойственно русским людям.

Итак, значимой традицией на Руси было гостеприимство, сопровождаемое шумными застольями.

Однако, обилие еды на столе вовсе не означало ее разнообразия. В сочинениях иностранцев, описывающих традиции русских людей, в том числе — застолья исследуемого периода, отмечалось отсутствие разнообразия в блюдах, употребление в пищу самых простых продуктов. В частности, Дж. Флетчер, английский поэт и дипломат, составивший описание Русского царства в XVI столетии, указывал, что питание русского человека состояло в основном из капусты, лука, чеснока, разного рода корней и тому подобных растений, которые могли быть представлены на столе как самостоятельно, так и в сочетании. Наличие на столе русских весьма скромной еды объяснялось Адамом Олеарием — немецким путешественником и ученым, посетившим Россию во второй половине 1630-х гг., спецификой христианской религии, согласно которой число дней поста в году является примерно равным «мясоеду» (т.е. периоду, когда православным разрешалось употреблять в пищу скоромные продукты). Именно поэтому, как считал автор, русские «... привыкли к грубой и плохой пище» [7, с. 340]. Однако простые продукты постоянно сопровождали, скорее всего, исключительно застолья простых людей.

Русское гостеприимство предполагало стремление подавать гостям на стол более изысканные блюда. Дж. Флетчер, по всей видимости, изображавший трапезу зажиточных жителей московского государства, отмечал, что обыкновенно русское застолье сопровождалось употреблением небольшой чашки водки, именуемой «русским вином», после чего совершался перерыв в распитии спиртных напитков до окончания застолья. После того, как трапеза была окончена, как указывал Дж. Флетчер, русские напивались вдоволь и, не имея обыкновения разговаривать после застолья, по привычке отправлялись на послеобеденный сон [8, с. 158].

В целом, необходимо отметить, что употребление алкогольных напитков на Руси было не только частью традиций гостеприимства и застольного веселья, но и в известной степени, по свидетельству абсолютного большинства иностранных авторов, традицией самостоятельной. Это, в свою очередь, рождало мифы о чрезмерной склонности к пьянству русского народа. Однако необходимо учитывать, что простолюдины не имели достаточных финансовых средств для избыточного употребления спиртного, в отличие от знати, и часто употребляли мед и квас [8, с. 18].

Таким образом, с одной стороны, масштабы употребления алкогольных напитков русскими представляются преувеличенными европейскими авторами, так как они не могли представить в своих сочинениях объемы употребления алкогольных напитков различными слоями населения России в сравнительном аспекте. Это, в свою очередь, актуализирует вопрос о том, столь ли широко распространенной была традиция употребления алкогольных напитков не только в праздничные дни, но и в повседневной жизни.

Сопоставление различных исследовательских

версий позволяет прийти к выводу, что, вероятнее всего, укоренение в сознании европейских людей о мысли пристрастия к алкоголю жителей московского государства было выгодно европейским правительствам в целях принижения опасного «восточного соседа», т.е. Москвы.

Тем не менее, именно избыточное употребление спиртных напитков было основной характеристикой повседневной жизни русского человека в сочинениях европейцев и, в известной степени, русской традицией по их мнению. В результате, приходится говорить о стереотипном восприятии европейцев, так как характеристика русских как пьяниц была свойственна подавляющему большинству их воспоминаний. В ряде случаев ужасающие описания хода и последствий русских застолий, вероятно, не всегда было продиктовано стремлением «очернить» русского человека, но также имело причиной неприятие избыточного употребления алкоголя в сознании европейцев. Несмотря на то, что западные традиции отнюдь не исключали распития алкогольных напитков, в исследуемый период сложно было назвать по-настоящему пьющим какой-либо европейский народ, за исключением англичан.

Отдельно стоит отметить, что не все иностранные авторы, за исключением Дж. Флетчера, описывая неумеренность русских в употреблении спиртного, разграничивали их по полу и возрасту, а также по сословному принципу. Ведь «ярлык» пьянства, который навешивали на жителей Московии в своих сочинениях иностранцы, был итогом наблюдений отнюдь не за крестьянским населением, а за придворной знатью.

Несмотря на ограничительную правительственную политику в этом вопросе, заключающуюся в возможности употребления спиртных напитков только по праздникам, а также в работе питейных заведений только по определенным часам, некоторые из авторов подчеркивали, что ни в одной стране в мире нет пьянства в столь ужасающих масштабах. В первую очередь, это объяснялось тем, что употребление алкоголя было для русских, своего рода, традиционным способом досуга (по всей вероятности, за отсутствием иных увлекательных и полезных развлечений). Так, многие авторы отмечали, что у русских употребление алкоголя не обязательно было связано с застольем, праздником или памятной датой. В то же время, желание отметить праздничный день сопровождалось не просто употреблением спиртного, а распиванием его в чрезмерных количествах. Так, Р. Ченслер, английский дипломат и путешественник, развивавший в исследуемый период дипломатические отношения между Россией и Англией, подчеркивал, что подобных размахов пьянства не встречал ни в одной стране мира. Это касалось, по мнению автора, не только русских, живущих в миру, но и духовного сословия [10, с. 65-66].

Ставшее де-факто одной из русских традиций, пьянство, как отмечали иностранцы, по всей вероятности, не порицалось государством и обществом, так как жители Москвы различного пола и возраста

не стеснялись появляться на улицах в подобном виде. В то же время, данные выводы европейских авторов расходились с отмечавшимся выше стремлением государства ограничить употребление населением алкогольной продукции.

В то же время, по всей вероятности, именно осознание необходимости ограничивать себя в употреблении спиртного, в конечном счете, и приводило к злоупотреблениям. В частности, европейские дипломаты и путешественники отмечали, что традиционным для русских было распитие спиртного в праздники. Одним из значимых праздников были гулянья на Масленицу, предшествовавшие Великому посту. Учитывая, что игры и развлечения в этот праздник, в основном, проводились на открытом воздухе, с одной стороны, употребление «согревающих» напитков представлялось оправданным. С другой стороны, иностранные авторы отмечали, что страсть пьянства особенно усиливалась у русских перед Великим постом, который требовалось соблюдать особенно строго. Несмотря на то, что употребление красного вина даже в период Великого поста допускалось в небольшом количестве по определенным дням, чтобы несколько облегчить пищевые запреты. С. Коллинс, автор сочинения о современном ему состоянии России, указывал, что на масленичной неделе русские пили так, как будто они употребляли алкоголь «... последний раз на веку своем» [4, с. 7].

Примечательно, что иностранные авторы упоминают также на летальные случаи в результате соблюдения этой «русской традиции». В московском государстве частыми были случаи отравления водкой, так как легкие алкогольные напитки, например, вино, употреблялись реже. С. Коллинс писал, что некоторые русские пили ее до тех пор, покуда «... рот разгорится и пламя выходит из горла, как из жерла адского, и если им тогда не дадут выпить молока, то они умирают на месте» [4, с. 7-8]. На смертные случаи от злоупотребления алкоголем указывают не только зарубежные, но и отечественные авторы, в частности, Н.И. Костомаров [5, с. 189].

Негативные последствия от «русской традиции» употребления спиртного помимо губительного влияния на здоровье, также нередко описывались иностранцами. К их числу относилось, в частности, «пропивание» своего состояния и имущества в питейных заведениях, как мужчинами, так и женщинами, а также закладывание самих себя ввиду невозможности расплатиться. В свою очередь, избежать незавидной участи мог помочь состоятельный человек, обративший внимание на происходящее [2, с. 46].

Однако в праздничные дни употребление избыточного количества спиртного было не единственной отличительной чертой жителей московского государства. Помимо этого, его представители традиционно с большим размахом встречали праздники, имевшие как христианское, так и языческое происхождение.

Сохранение традиций языческих праздников

обеспечивалось, прежде всего, в крестьянской среде, так как культура ее представителей была достаточно консервативна и мало менялась с течением времени. Так, для русского крестьянства большое значение имело соблюдение традиции отмечать праздники, призванные ускорить приход весны, теплых дней, когда природа пробуждается от зимнего сна – Коляды и Масленицы. Связанная с этими праздниками обрядность призвана была обеспечить хороший урожай на будущий год. Наряду с зимними и весенними были также и летние (Купалье, зажинки, дожинки) и, наконец, осенние праздники (праздник Покрова) [1].

В традиции крестьянства прочно вошли земледельческие праздники, целью которых было обеспечение высокой урожайности различных культур. Крестьяне полагали, что определенные действия способны оказать благотворное влияние на природу, передать ей силу для рождения новой жизни. В этой связи, крестьянские традиции отображались в песнях, пословицах, поговорках, былинах и иных фольклорных произведениях русского народа.

Подводя итоги исследованию русских традиций в описаниях иностранных авторов в XVI-XVII вв., стоит отметить, что, не имея целью изобразить максимально полно и комплексно мир традиций русского человека, европейцы обращали внимание именно на специфические, отличные от их собственной культуры, черты повседневной жизни населения московского государства.

Будучи преимущественно участниками дипломатических миссий и путешественниками, иностранные авторы, как правило, при взаимодействии с жителями московского государства вовлекались в традиционные для русских социальные практики, либо имели возможность к непосредственному наблюдению за ними со стороны. Однако, наряду с описанием в сочинениях иностранцев таких традиций русских, как гостеприимство, любовь к народным забавам и широким гуляниям, для абсолютного большинства авторов была характерна тенденциозность в указании на приверженность русских к пьянству. При этом далеко не всегда их выводы были основаны на личных впечатлениях: в ряде случаев стереотипные взгляды могли базироваться на слухах, объяснялись политическим заказом, а также, вероятно, стремлением развить в своих трудах тему о недостойности русских первенства на мировой арене.

Однако, если определенные негативные социальные практики и становились для русских «народной традицией», в ряде случаев иностранцы связывали их с отсутствием общественного порицания на уровне морали и закона. Представляется, что иногда масштабы пьянства русских следует подвергать сомнению, как в силу противоположного правительственного курса, так и не Достоверности источников (так как нередко авторы основывали свои выводы на слухах).

В то же время, подчеркнутая приверженность представителей русского народа традиции широких праздничных гуляний свидетельствовала об

открытости русских, их любви к веселью, стремлению разнообразить досуг и национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко; худож. О.С. Потапов. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 446 с.

2. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву / В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю.В. Готье; Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. — Л.: [б. и.], 1937. — 306 с.

3. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / Послесл. и коммент. А.Н. Медушевского. — М.: Прометей, 1991. — 334 с.

4. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Соч. Самуила Коллинса / Пер. с англ., предисл. П. Киреевский. — М., 1846. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://diletant.media/articles/44581187/> (дата обращения: 16.01.2023).

5. Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб.: тип. К. Вульфа, 1860. — 214 с.

6. Лабутина Т.В. Представления британцев о русском народе в XVI-XVII вв. — С. 13-25. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/Labytina_00.pdf (дата обращения: 16.01.2023).

7. Олгарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова. — Л.: Лениздат, 1986. — 543 с.

8. Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. кн. М.А. Оболенского. — М.: Захаров, 2002. — 168 с.

9. Фумм А.М. Иностранцы в московском государстве (XV - XVII вв.) // История государства и права. 2012. № 15. — С. 36-39.

10. Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев / Пер. с англ. Н. Белозерской, Ю. Готье; Пер. с нем. И. Анонимова, И. Полосина. — Смоленск: Русич, 2003. — 472 с.

11. Шербакова Л.В. Иностранные свидетельства о нравах и психологии русского народа со второй половины XV по конец XVII века // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2011. № 2 (52). — С. 129-136.

12. Kroeber A.L. Anthropology: race, language, culture,

psychology, prehistory. 2 ed. — N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1948. — 584 p.

SPISOK LITERATURY:

1. Gromyko M.M. Mir russkoy derevni / M.M. Gromyko; khudozh. O.S. Potapov. — M.: Molodaya gvardiya, 1991. — 446 s.

2. Dzenkinson A. Puteshestviye iz Londona v Moskvu / V kn.: Angliyskiye puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke / Per. s angl. YU.V. Got'ye; Otv. red. N. L. Rubinshteyn. — L.: [b. i.], 1937. — 306 s.

3. Klyuchevskiy V.O. Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve / Poslesl. i komment. A.N. Medushevskogo. — M.: Prometey, 1991. — 334 s.

4. Kollins S. Nyneshneye sostoyaniye Rossii, izlozhennoye v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone / Soch. Samuila Kollinsa / Per. s angl., predisl. P. Kireyevskiy. — M., 1846. [Elektronnyy resurs] — Rezhim dostupa: <https://diletant.media/articles/44581187/> (дата обращения: 16.01.2023).

5. Kostomarov N.I. Ocherki domashney zhizni i npravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. — SPb.: tip. K. Vul'fa, 1860. — 214 s.

6. Labutina T.V. Predstavleniya britantsev o russkom narode v XVI-XVII vv. — S. 13-25. [Elektronnyy resurs] — Rezhim dostupa: URL: file:///C:/Users/Pol'zovatel'/Downloads/Labytina_00.pdf (дата обращения: 16.01.2023).

7. Oleariy A. Opisaniiye puteshestviya v Moskoviyu // Rossiya XV—XVII vv. glazami inostrantsev / Podgotovka tekstov, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii YU. A. Limonova. — L.: Lenizdat, 1986. — 543 s.

8. Fletcher Dzh. O gosudarstve russkom / Per. kn. M.A. Obolenskogo. — M.: Zakharov, 2002. — 168 s.

9. Fumm A.M. Inostrantsy v moskovskom gosudarstve (XV - XVII vv.) // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. № 15. — S. 36-39.

10. Chensler R. Kniga o velikom i mogushchestvennom tsare Rossii i knyaze Moskovskom // Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev / Per. s angl. N. Belozerskoy, YU. Got'ye; Per. s nem. I. Anonimova, I. Polosina. — Smolensk: Rusich, 2003. — 472 s.

11. Shcherbakova L.V. Inostrannyye svidetel'stva o npravakh i psikhologii russkogo naroda so vtoroy poloviny XV po konets XVII veka // Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2011. № 2 (52). — S. 129-136.

12. Kroeber A.L. Anthropology: race, language, culture, psychology, prehistory. 2 ed. — N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1948. — 584 p.

